Виктория Левина

г. Ришон ле-Цион, Израиль

На Голанских высотах

На Голанских высотах,
на Голанских высотах
есть пристрелянных точек
не так уж и много:
проржавевший шлагбаум
у бетонного ДОТа,
и подобные точки на соседних отрогах.

А внизу созревают мандарин с авокадо,
наливаются соком апельсины с айвою.
Мандаринам не надо и солдатам не надо,
чтобы пули свистели над их головою!

Я на джипе японском военном приеду,
я увижу Хермон[1] весь в заснеженных елях...
Не хочу, чтобы кровь
здесь лилась за победу
и на крови солдатской чтобы маки алели!

Не хочу, чтобы воды здесь горчили войною,
не хочу, чтоб леса выжигались ракетой –
ни удушливым летом, ни тёплой зимою.
На Голанских высотах я увидела это.

[1] Южные склоны Хермона, снижаясь, частично переходят в Голанские высоты, находящиеся под контролем Израиля со времён Шестидневной войны.

Не стихи

Мой товарищ с работы живёт
в досягаемой зоне обстрела...
Каждое утро, встречаясь, мы смеёмся:
«Ну что, пронесло?
Перелетела ночная ракета
твой дом или не долетела?
Ну что, поживём ещё, старина,
всем их ракетам назло?»

Мы смеёмся, как дети – искренне,
чистосердечно, со всхлипом!
Нас веселят хорошие новости,
что не погибли дома́ и люди...
Мне это стало напоминать стиль
современного киноклипа,
где о жизни и смерти – равнодушно,
как об очередном блюде!

Где, по-Станиславскому, – пауза,
а по-Мейерхольду, – жесты?
Речь ведь идёт не о чём-нибудь,
а о жизни детей наших!
К великому сожалению, мы живём
в мире уродов и жести,
где та безмозглая ракета
сметает жильё наше вчерашнее,

где сиденье автобуса – сродни мине,
либо гильотине режущей!
Домой сегодня добрался живёхонек –
дежурно помолись Богу!
А потом с чашкой кофе –
в личное домашнее бомбоубежище:
писать и писать в Интернете о любви
или о дальней дороге...

Меня не покидает ощущение мира
этого «киношности»:
сегодня стихи пишешь, а завтра –
унесут под чёрной тканью...
Я здесь не подыскивала чёткие ритмы
и рифмы нарочно,
чтобы показать абсурдность нашей жизни
«как на вулкане»...

Я дочь фронтовой и последней любви...

Я, папа, живу далеко от Днепра, –
волна Средиземного моря гранит
на набережной возле Яффо дробит, –
здесь пальмы и небо, и Бог... И добра

мне щедрые горсти судьба припасла,
когда позвала в эту дальнюю даль...
Хотелось забрать боевую медаль
твою, да таможня добро не дала.

Храню фотографии. Личный архив
звена истребителей есть и альбом.
И мама на снимке прижалась плечом,
на китель медали свои прикрепив.

Я дочь фронтовой и последней любви,
с израненным телом и жаждою жить!
И призвана долей наследству служить:
под небом бескрайним – для неба живи!

Я, папа, сегодня накрою на стол.
Я чарку тебе «фронтовую» налью.
И «мамину» песню тихонько спою
про то, как казак до дивчины пришёл...

Мне б увидеть мою Варну

– Ну, куда ты опять? – В небо,
там, где солнечный луч из-за тучи.
– Ты увидишь там птиц? Мне бы
хоть немного их силы летучей!
Мне бы бéды стряхнуть с крыльев,
расстреножить тело от муки,
чтоб не танковой рыжей пылью,
а в цветочной пыльце – руки...
Расстилаю души́ скатерть
над обиженной всеми планетой!
Чтоб от звука сирен не спятить,
вышиваю крестом светлым.
Понимаешь, сейчас мне больно.
Я хочу в тихий край сладкий,
чтобы вылечить синью вольной
запечатанных губ складки.
Мне б увидеть мою Варну
в паутинках бабьего лета,
где покоится дух травный
на лучах золотого света…

И хоть орлят моих давно со мною нет...

У папы на плечах – два лётные крылá,
и китель в орденах, и голос громкий!
Оставила в живых война – не забралá...
таким он и запомнился потомку.

Потомок – это я! «Бандит» и сорванец!
Растил меня, как не растят девчонок!
«Ни банты в волосах, ни свадебный венец –
не светят!» – так сказал отец с пелёнок!

Растил – как песню пел! И бритой головой
к пушку щеки, зажмурясь, прижимался...
С «пацанкою» глядел на купол голубой,
мечтою о полётах упивался!

Что вырасти могло в кругу семьи такой,
где папа – лётчик и радистка – мама?
Любимицей семьи, балованной судьбой,
росла девчонка жёсткой и упрямой.

Родители ушли, один другому вслед,
оставив память яркую как звёзды!
И хоть орлят моих давно со мною нет, –
расправить крылья никогда не поздно!

Слегка облокочусь о лётное крыло,
готовится полёт, убрали трапы...
О папе в этот день – с улыбкой и светло!
Сегодня день рождения у папы.

Тем утром выла за окном сирена...

Мне снились ночью бомбы и снаряды,
мне снилась ночью жизнь на волоске...
И с детским криком: «Мамочка, не надо!»
влетала в мрак бетонный... На песке

вили́сь следы цепочкой – полуголых,
испуганных ночным огнём людей.
Эфирный запах перевязок новых
мешался с вонью крови и смертей...

Тяжёлым брюхом в небе пролетала
начинка бомб, надменна и горда!
И смерть своею близостью пугала,
и жизнь была желанней, чем всегда!

Я засмеялась, вырвавшись из плена
такого сна, – и каждый был бы рад!
Тем утром выла за окном сирена,
предупреждая о ракетах «Град».

В день, когда закончится война

В день, когда закончится война,
я открою окна и заслоны,
что в бомбоубежище бетонном
охраняли жизнь во время сна.

Я полью цветы, что на балконе, –
он вспарит всем тентом над посёлком,
ветер вдунет жизнь в его тесёмки
и разрушит физики законы!

Это тихий лёт вдвоём над горем,
над затихшими сиренами и пушкой...
А внизу – двух сбитых пальм верхушки
той ракетой, что упала в море.

Жалко птиц – их шелест рваных крыл
так беспомощен, когда рвались снаряды!
Им же невдомёк, что просто надо
лечь на землю, голову прикрыв.

Иль вбежать, хромая, по брусчатке
в тот подъезд, и в тот же миг услышать
смерти, разорвавшейся чуть выше,
звук и стук обломков на площадке...

В день, когда закончится война,
я налью нам полные стаканы
водки виноградной, чистой, пьяной,
чтобы залпом осушить до дна!

Вчера опять стреляли на Голанах

Вчера опять стреляли на Голанах.
Погиб полковник – бравый командир.
Вдова отплачет. И залижет раны
долина, что прострелена до дыр.

А знаете, сюда мы приезжаем,
на север, прогуляться в поле чистом.
В воронки обгорелые сажаем
цветы, чтоб не отпугивать туристов.

Упал касам в Эйлате на дорогу –
привет соседей с кисточкою нам.
Ну, не убило ж никого, ей-богу!
Так стоит ли сердиться на касам?

Не стоит возвращаться в Тель-Авив
из звонкого весёлого Эйлата.
И денежек на отпуск подкопив,
не побегут еврейские ребята.

Была экскурсия на южные границы, –
мы собирали маки у Стены.
Когда ещё возможность повторится
увидеть Первый День После Войны?

Взобрались мы на башню, в амбразуру,
чтоб посмотреть на Газу с вышины.
– Ты так мне дорога, а пуля – дура!
Слезай! Ты что, не видела войны?